

УДК 330.11

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ РЕНТА: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА****Зобова Л.Л.***ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, e-mail: llzob@mail.ru*

Показано, что в условиях экономической глобализации изменяется роль пространства и времени как экономических ценностей, происходит их коммерциализация. В основе методологии анализа лежит понимание экономического пространства как экономической среды, созданной участниками экономических отношений в целях разграничения сферы экономических интересов. Пространственная рента – потенциальные дополнительные выгоды, возникающие от неоднородности экономического пространства в условиях несовершенной конкуренции. Контроль над пространством дает основание для извлечения пространственной ренты. Современное коммуникационное пространство делает возможным дистанционное управление, увеличивает ценность времени и означает существование не только в пространстве, но и во времени. Возникает пространственно-временная рента. Пространственно-временная рента – доход, полученный в результате олигополистического местоположения экономического субъекта на пространстве рынка, дающая возможность минимизировать затраты времени и максимизировать прибыль. Принципиальная особенность пространственно – временной ренты в потенциальной возможности извлечения дополнительного дохода от размещения в различных точках пространства, таким образом, источник ренты транстерриториален.

**Ключевые слова:** рента, пространственная рента, пространственно-временная рента, глобальное экономическое пространство

**SPATIAL – TEMPORAL RENT: METHODOLOGY OF THE ANALYSIS****Zobova L.L.***Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Kemerovo State University»,  
Kemerovo, e-mail: llzob@mail.ru*

It is shown that in the conditions of economic globalization, the role of spatial and time as economic values is changing. Commercialization takes place. The methodology of the analysis is the understanding of economic spatial as the economic environment created by the participants of economic relations with a view to the delimitation of economic interests' spheres. Spatial rent is potential additional benefits arising from the heterogeneity of economic spatial in the conditions of imperfect competition. Control of spatial provides a basis for extracting a spatial rent. Modern communication makes possible a remote control, increases the value of time, and means the existence not only in space but also in time. The spatial-time rent comes into existence. Spatial-temporal rent is an income earned as a result of the oligopolistic position of economic entities in the market, making it possible to minimize the time and to maximize profits. The principal feature of the spacial – temporal rent is in the potential for extraction of additional income from the placement in different points of spatial, so that the source of rent is transterritorial.

**Keywords:** rent, spatial rent, spatial-temporal rent, global economic spatial

На протяжении истории человечества территория являлась безусловной ценностью, поскольку была объектом притязаний и экспансии. Современное «завоевание» экономического пространства осуществляется в основном экономическими методами и под силу очень небольшому количеству субъектов. Ценность местоположения на территории находила выражение в земельной ренте. Проблемы принадлежности, распределения, присвоения экономического пространства связаны как с реальными процессами, так и с их научной интерпретацией.

**Материалы и методы исследования**

Иерархия категорий «территория» и «пространство» с точки зрения научного осмысления к настоящему времени однозначно не выстроена. Сложность решения, видимо, связана с тем, что этими категориями оперируют географы, экономисты, юристы. В философии и физике используют парные категории «пространство – время». В современной экономической науке существуют понятия «экономика пространства» и «экономика времени».

Протяженность экономического пространства можно измерить временем, необходимым для его преодоления. Таким образом, возникает пространственно-временная среда экономического субъекта. Время в контексте экономических процессов приобретает двойственный характер: как инструмент для измерения величины пространства, и как самостоятельная экономическая ценность. В повседневной деятельности люди интуитивно понимают ценность времени. Однако зафиксировать и описать эту ценность удается не всегда. Между тем процессы экономической глобализации демонстрируют примеры выгоды размещения производства в пространстве с учетом экономии транспортных издержек, а значит, времени.

Полагаем, что категория пространственной ренты – тот случай, когда для её адекватного понимания необходимо использовать взаимопредполагающие и взаимодополняющие экономические категории – пространство и время. В научных публикациях, связанных с описанием экономической ренты, подразумевается присутствие фактора времени (т.е. протяженности во времени), но практически нет работ, в которых в явном виде соединены два вида ренты – пространственная рента и рента от экономии времени. Необходимость использования категории пространственно-временной ренты связана с измене-

ниями роли пространства и времени как экономических ценностей.

Насколько обоснованным является соединение факторов пространства и времени применительно к категории экономической ренты? Не претендуя на всеобъемлющую характеристику категории «пространственно-временная рента», обоснуем объективность ее существования.

В работах как зарубежных, так и отечественных ученых нет определения ренты полученной от экономии времени, при этом ценность времени априори предполагается. Более того, в экономической литературе нет однозначного понятия категории «экономическое время». Полагаем, что наиболее плодотворным и методологически верным подходом является рассмотрение категории экономического времени в контексте экономического пространства. Поскольку экономическое время взаимосвязано с экономическим пространством, правомерно возникает вопрос об объективности существования пространственно-временной ренты. При этом в научных исследованиях также отсутствует определение пространственно-временной ренты.

В классической экономической теории пространство и время были элиминированы из анализа рыночного равновесия. Рынок рассматривался как точка, временное измерение равнялось нулю. Включение пространства и времени в политэкономические исследования XIX в. было эпизодическим. Более плодотворными были теории размещения, анализировавшие выгоды от местоположения. По существу, в этих исследованиях рассматривается территориальная рента. Отдельного анализа заслуживают работы экономгеографов середины XX века. Но и в этих исследованиях категория пространственной ренты не используется видимо потому, что не входит в набор специфических терминов. В современных исследованиях признается наличие глобальной ренты, как ренты, связанной с неравными институциональными возможностями и минимизацией транзакционных издержек на международном уровне [1]. Полагаем, что глобальная рента является современной формой пространственно-временной ренты.

В основе пространственно-временной ренты лежит реальная, явная ценность пространства и времени. Ценность времени в условиях экономической глобализации приобретает наиболее выраженный характер. В научной литературе достаточно часто пространственная рента отождествляется с территориальной рентой. Как правило, под рентой понимаются дополнительные выгоды, получаемые от использования *ограниченного ресурса* в общественном производстве. Прежде всего, таким ресурсом является земля. Ф. Лист считал местоположение решающим фактором: рента и ценность земли везде увеличиваются пропорционально *близости* земельной собственности к городу, населенности последнего и развитию в нем фабрично-заводской промышленности, т.е. — емкости внутреннего рынка [6]. Необходимо уточнить, что территориальная рента связана с наиболее выгодным местоположением субъекта на *объективно* существующей географической или(и) экономической территории. Иначе говоря, уже существующее местоположение субъекта дает возможность извлекать выгоду. Пространственная рента генетически связана с территорией, но принципиально отличается тем, что пространство *субъективно* и дискретно. Под экономическим пространством мы понимаем

организованную среду, формируемую (создаваемую) участниками экономических отношений в целях разграничения сферы экономических интересов [4]. Иначе говоря, субъект экономической деятельности сам формирует пространство своей деятельности. На основании такого подхода к определению экономического пространства остановимся на нескольких принципиальных аспектах, связанных с пространственной рентой, а именно — причине возникновения ренты, её источнике и субъектах присвоения.

Поскольку экономическое пространство характеризуется эндогенной асимметрией, то факт его неоднородности, как национального, так и мирового, практически неустраним, и однородность недостижима. Это объективное обстоятельство и является причиной возникновения дополнительных выгод от местоположения. Процесс развития, как в отдельных регионах, так и в мире в целом, носит волнообразный характер, что в свою очередь может привести либо к процветанию, либо к упадку. По выражению Т. Фридмана, современный мир перестал быть плоским [9]. Источником пространственной ренты является местоположение субъекта в неоднородном пространстве, в том числе и периферийное. Условием, т.е. возможностью для извлечения пространственной ренты является занятие доминирующего (олигополистического) местоположения. По-другому говоря, тот, кто контролирует пространство, тот и присваивает пространственную ренту.

Под пространственной рентой следует понимать потенциальные дополнительные выгоды, возникающие от эндогенной асимметрии, неоднородности экономического пространства в условиях несовершенной конкуренции.

Можно сделать вывод, что пространственная рента является модифицированной формой дифференциальной ренты. Принципиальная особенность пространственной ренты заключается в потенциальной возможности извлечения дополнительного дохода от размещения в различных точках пространства. Справедливость данного вывода демонстрирует современное очень активное перемещение капитала игнорирующего экономические или административные границы в поисках дополнительных выгод. Может ли периферийное положение субъекта в пространстве быть источником ренты? Процесс экономической глобализации даёт положительный ответ. Стремление получить дополнительный доход от близости к «центру» может обернуться своей противоположностью. Экономическое процветание может привести к «перенасыщению» экономики; вследствие этого происходит «перелив» экономической активности в определенные районы. Таким образом, источник пространственной ренты трансрегионален.

Субъекты присвоения пространственной ренты достаточно многообразны. Следует различать субъектов, получающих ренту *непосредственно* (как правило, крупный капитал), и тех, кто получает ренту *опосредованно* (рента от местоживания). По определению пространственную ренту получают столичные города или города с некоторыми столичными функциями. С. Сассен и Д. Фридман предложили новый термин «глобальный город». Такими городами являются Нью-Йорк, Лондон и Токио. Однако Д. Харви подчеркивает, что Нью-Йорк не глобальный город, а глобальный паразит, паразитирующий на том, как производится реальная стоимость где-нибудь в южном Китае или в Северной Мексике [10].

Вопрос «как далеко» коррелирует с ответом «как долго». Капитал, получая возможность наиболее эффективного приложения в пространстве, часто получает выигрывать во времени. Выгодность местоположения связана с экономией времени, поэтому пространство также априори имеет временную характеристику, т.е. существует в системе временных координат, поэтому описание пространственной ренты нельзя считать полным без учета фактора времени. Хорошо известен тезис К. Маркса что «всякая экономия в конечном счете, сводится к экономии времени» [7].

В общепринятом определении экономической ренты отсутствует фактор времени. Между тем, изменившиеся условия экономической деятельности объективно требуют иного подхода к понятию как экономической ренты вообще, так и пространственной ренты в частности. Меняющиеся условия функционирования как национальных хозяйств, так и мировой экономики предопределили соединения категорий пространства и времени в исследованиях представителей общественных наук. И. Валлерстайн подчеркивал, что «рента – это доход, который возникает из управления некой конкретной пространственно-временной реальностью...» [3]. И. Валлерстайн не употребляет термина «пространственно-временная рента», но фактически рассматривает её. При этом, подчеркивает, что в данном контексте источником ренты не может быть предпринимательская деятельность собственника.

З. Бауман использует яркий образ – «брак между пространством и временем». Активная роль в этом браке принадлежит времени, поскольку его можно изменять и им можно управлять. Бауман пишет, что время разрушило пространство [2]. В связи с этими выводами Баумана возникают закономерные вопросы: когда и почему в экономической реальности произошло соединение пространства и времени и в чем проявляются последствия подобного соединения. Последствия этого «брака» Бауман описывает так: «Время и пространство по-разному распределены между стоящими на разных ступенях глобальной властной пирамиды. Те, кто может себе это позволить, живут исключительно во времени. Те, кто не может, обитают в пространстве. Для первых пространство не имеет значения. При этом вторые из всех сил борются за то, чтобы сделать его значимым» [2]. К такому же выводу приходит и Д. Харви: «Те, кто могут позволить себе ждать, всегда имеют преимущество над теми, кто этого себе позволить не может» [10].

К. Маркс утверждал, что пространство и время имеют противоположные тенденции: чем больше капитал получает пространства для обращения, тем меньше времени он стремится на это затратить. Чем обширнее рынок капитала, тем сильнее он стремится к еще большему пространственному расширению рынка и к еще большему уничтожению пространства посредством времени [7]. Обратим внимание на очевидный вывод: контроль над пространством означает контроль над временем, что в свою очередь дает возможность контроля над капиталом. Месседж «время – это деньги» стал лозунгом современности.

Проблема описания категории «экономическое время» связана с многоаспектностью различных подходов к его определению. Полагаем, что методологически верным является подход, при котором экономическое время определяется в связи с экономическим пространством. «...Экономическое время рассматри-

вается как элемент экономического пространства, отвечающий за синхронизацию операций, оно обеспечивает связность и придает единство экономическому пространству» [8]. Но в данном подходе нет четкого определения экономического времени. Экономическое время можно рассматривать как неосознаваемый фактор производства и как ценность. Подчеркнем, что ценность времени предопределена тем, что это невозобновляемый ресурс. Экономия времени позволяет повысить эффективность производственных процессов.

### Результаты исследования и их обсуждение

Все вышеприведенные факты дают методологическое обоснование для анализа категории пространственно-временной ренты. Пространственно-временная рента – это доход, полученный в результате олигополистического местоположения экономического субъекта на пространстве рынка, дающий возможность минимизировать затраты времени и максимизировать прибыль. Подобный доход трудно выделить из всей структуры доходов, он не принимает какую-либо конкретную форму. Видимо по этой причине пространственно-временная рента не являлась объектом полноформатного научного исследования.

Поскольку пространственно-временная рента имеет дуалистический характер, возникает вопрос о том, насколько равнозначен вклад в возможный доход составных частей ренты. Соотношение пространства и времени как основы извлечения дополнительного дохода в форме ренты менялось на протяжении существования и развития рыночного хозяйства. Более того, в силу эндогенной асимметрии мирового экономического пространства для разных стран соотношение ценности пространства и времени неравнозначно. Можно ли сделать вывод, что в XX–XXI вв. ценность пространства снизилась, а ценность времени возросла? Означает ли это, что на смену «экономики пространства» пришла противостоящая ей «экономика времени»? [5]. З. Бауман использует такие термины, как «обесценивание пространства», «неуместность пространства» [2]. Появление новых видов транспорта означало, что время превратилось в инструмент завоевания пространства. Ускорение движения вело к расширению пространства. Тот, кто передвигался быстрее, мог претендовать на большую территорию. Пространство стало ценностью, а время – инструментом [2]. Почему фактор времени стал приоритетным по мере углубления процессов глобализации? Происходят качественные изменения самого пространства, в основе лежит уже не столько реальная территория, сколько пространство, имеющее черты виртуальности.

Виртуальное, коммуникационное пространство делает возможным дистанционное управление и контроль, увеличивая ценность времени, и дает возможность существования не только в пространстве, но и во времени. Современные коммуникационные технологии привели к тому, что пространство можно пересечь за «нулевое время». Электронная торговля и услуги, полученные с помощью IT технологий, меняют представления о значении фактора времени. Создается видимость «уничтожения» времени. Эта ситуация, в свою очередь, может привести и к «обесцениванию» пространства. Исчезает беспокойство о сохранении права доступа на конкретную территорию. Таким образом, в отличие от выводов Маркса в условиях глобализации происходит «сжатие» как времени, так и пространства. Кажется, что устраняется объективная основа для возникновения пространственно-временной ренты.

Полагаем, что в условиях глобализации нельзя абсолютизировать вывод Баумана о снижении роли пространства. Контроль над пространством дает возможность создания новых пространственных монополий, а значит, получения монопольной ренты. Пространство не исчезает, но меняются его качественные характеристики, при этом, наблюдается лишь тенденция к минимизации времени для перемещения в пространстве. В условиях глобализации коммерциализируются пространство и время. Так, страны Запада добились больших успехов в создании рынков сбыта своих товаров в Китае и на территории бывшего СССР. Вторая половина XX века продемонстрировала смещение центров серийного промышленного производства в некогда периферийные восточные регионы, что давало возможность извлекать пространственную ренту.

#### Список литературы

1. Бекетов Н.В. Проллиферация альтернатив научного знания: экономическое пространство // «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». – 2007. – № 4.
2. Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
3. Валлерстайн И. Буржуазия: понятие и реальность с XI по XXI век // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М., 2004. – С. 174.
4. Зобова Л.Л. Постсоветское пространство: «TERRA NULLIUS» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 35(272). – С. 59–65.
5. Ермоленко А.А. Интегральный субъект в лице современной России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – Т. 6, № 4. – С. 80.
6. Лист Ф. Национальная система политической экономии. – М.: «Европа», 2005. – С. 13.
7. Маркс К. Экономические рукописи / К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения. – М., Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 46, ч. 1. – С. 78.
8. Толстогузов О.В. Типология подходов к региональным экономическим исследованиям и категория экономического пространства // Управление экономическими системами: электронный журнал. – 2011. – № 36. URL: <http://www.uecs.ru> (дата обращения: 05.02.2016).
9. Фридман Т. Плоский мир: краткая история XXI века. – М.: Хранитель, 2006. – 601 с.
10. Харви Д. Урбанизация капитала // Электронный ресурс <http://www.redflora.org/2012/10/blog-post.html> (дата обращения: 05.01.2016).

#### References

1. Beketov N.V. Proliferacija alternativn nauchnogo znanija: jekonomicheskoe prostranstvo // «INTELROS Intellekturnaja Rossija». 2007. no. 4.
2. Bauman Z. Tekuchaja sovremennost. SPb.: Piter, 2008. 240 p.
3. Vallerstajin I. Burzhuazija: ponjatje i realnost s XI po XXI vek // Balibar Je., Vallerstajin I. Rasa, nacija, klass. Dvusmyslennye identichnosti. M., 2004. pp. 174.
4. Zobova L.L. Postsovetskoe prostranstvo: «TERRA NULLIUS» // Nacionalnye interesy: prioritety i bezopasnost. 2014. no. 35(272). pp. 59–65.
5. Ermolenko A.A. Integralnyj sub#ekt v lice sovremennoj Rossii // Jekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. T.6, no. 4. pp. 80.
6. List F. Nacionalnaja sistema politicheskoy jekonomii. M.: «Evropa», 2005. pp. 13.
7. Marks K. Jekonomicheskie rukopisi / K. Marks, F. Jengels, Sochinenija. M., Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, 1961. T. 46, ch. 1. pp. 78.
8. Tolstoguzov O.V. Tipologija podhodov k regionalnym jekonomicheskim issledovanijam i kategorija jekonomicheskogo prostranstva // Upravlenie jekonomicheskimi sistemami: jelektronnyj zhurnal. 2011. no. 36. URL: <http://www.uecs.ru> (data obrashhenija: 05.02.2016).
9. Fridman T. Ploskij mir: kratkaja istorija XXI veka. M.: Hranitel, 2006. 601 p.
10. Harvi D. Urbanizacija kapitala // Jelektronnyj resurs <http://www.redflora.org/2012/10/blog-post.html> (data obrashhenija: 05.01.2016).